

ГОТОВИМСЯ К УРОКУ: ПРЕПОДАВАНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ В СТАРШИХ КЛАССАХ

Когут К. С.
Екатеринбург, Россия

ORCID ID: –
E-mail: kosfunpix@yandex.ru

УДК 372.882.161.1:371.321
DOI 10.26170/fk19-01-15
ББК Ч426.839(=411.2)-270
ГСНТИ 14.25.09
КОД ВАК 13.00.02

ДУХОВНЫЕ ОДЫ Г. Р. ДЕРЖАВИНА НА УРОКАХ ЛИТЕРАТУРЫ В 9 КЛАССЕ

Аннотация. Статья предлагает возможный урок по изучению творчества Г. Р. Державина в школе. Предлагается материал, который может быть использован учителем при составлении как собственных уроков, так и факультативных занятий по литературе XVIII века в гуманитарных классах. Указано место предлагаемого урока в системе занятий по творчеству поэта: от уже изученных «государственных» од учащихся переходят к его духовным одам, вдумчивое чтение которых расширит представление девятиклассников об этом жанре. Обоснован отбор произведений художника («Ласточка», «На смерть князя Мещерского», «На тленность»). Рассмотрение духовных од Державина ведется с учетом их идейно-тематического родства: произведения объединены мучительностью размышлений поэта над феноменом человеческой смерти, которые приводят его к пониманию смысла и предназначения земной жизни. Ода «На тленность» рассматривается как подготовительный этап «Памятника». Раздумья поэта относительно смысла творчества в этой оде проявляют мужество его сопротивления непреложному закону человеческого существования, выводят разговор о творчестве Державина на вневременной уровень. Предлагаются вопросы и задания для урока и самостоятельной работы школьников.

Ключевые слова: духовные оды; русская поэзия; русская литература; русские поэты; поэтическое творчество; методика преподавания литературы; методика литературы в школе; уроки литературы; девятиклассники.

Kogut K. S.
Ekaterinburg, Russia

G. R. DERZHAVIN'S SPIRITUAL ODES IN LITERATURE LESSONS IN THE 9TH GRADE

Abstract. The article offers a possible lesson for the study of creativity of Gavriil Romanovich Derzhavin in school. We offer material, which can be used by teacher to prepare their own lessons or used in optional lessons of literature of XVIII century in the humanitarian classes. The place of a presumed lesson on the poet's works is noted; from already studied 'governmental' odes the students switch to his spiritual odes, deep reading of which broaden the 9 grade students idea of the genre.

Justified collection of works by the artist: ("Swallow", "On death of prince Meschersky", "The River of Time in its Course..."). Consideration of Derzhavin's spiritual odes is tailored to their subject matter, ideas: the works are United by the torment of contemplation of the poet on the phenomenon of human death, which lead him to understand the meaning and purpose of life on Earth. The ode "The River of Time in its Course..." is considered as the preparatory stage of "Monument". The meditations of poet relative to the sense of creation in this ode manifest courage of his resistance to the immutable law of human existence. They derive conversation about the creation of Derzhavin to the symbolic level. Questions and tasks for the lesson and the independent work of schoolboys are proposed.

Keywords: spiritual odes; Russian poetry; Russian literature; Russian poets; poetic creativity; literature teaching methods; methodology of literature at school; literature lessons; ninth graders.

Для цитирования: Когут, К. С. Духовные оды Г. Р. Державина на уроках литературы в 9 классе / К. С. Когут // Филологический класс. – 2019. – № 1 (55). – С. 108–113. DOI 10.26170/fk19-01-15.

For citation: Kogut, K. S. G. R. Derzhavin's Spiritual Odes in Literature Lessons in the 9th Grade / K. S. Kogut // Philological Class. – 2019. – № 1 (55). – P. 108–113. DOI 10.26170/fk19-01-15.

Обращение к личности и творчеству Г. Р. Державина на уроках литературы, как правило, строится вокруг известных стихотворных шедевров поэта, в частности, «Фелицы» (1782), «Властителям и судиям» (1780–1787), «Памятника» (1795) и других хрестоматийных произведений. Мы предлагаем урок, посвященный духовным одам поэта, который может существенно дополнить

представление учащихся о поэте. Он выполняет две важных связующих задачи. С одной стороны, девятиклассники уже познакомились с жанром оды и прочли у М. В. Ломоносова «Вечернее размышление о Божиим Величестве при случае великого северного сияния», «Утреннее размышление о Божиим Величестве», «Оду, выбранную из Иова». И потому урок по одам Дер-

жавина позволяет продолжить изучение традиции духовной оды в русской литературе XVIII века. С другой стороны, произведения Державина на этом уроке рассматриваются как подготовительный этап, своеобразная художественная «мастерская» его будущих шедевров. Возможно, для некоторых ребят этот урок станет ключом для понимания «Памятника».

Мы выделяем на изучение творчества Г. Р. Державина 5 уроков. Последовательность тем следующая:

1. Личность Г. Р. Державина. Ода «Властителям и судиям».

2–3. Новая ода Г. Р. Державина («Фелица», «Бог»).

4. Духовные оды Г. Р. Державина.

5. «Памятник» как итог творческого пути поэта.

Уроки в такой системе выстраиваются по идейно-тематическому принципу. От «государственной» оды учащиеся переходят к различным «вариантам» этого жанра (сатирической – в «Фелице» и философской – в «Боге»). Занятие по духовным одам «укрупняет» представление девятиклассников о новой оде Державина: «Ласточка», «На смерть князя Мещерского», «На тленность» затрагивают глубокие темы, касающиеся существования каждого человека. Их внимательное прочтение ведет к неизбежным вопросам о жизни и ее ценностях. Эти вопросы и ответы на них, как нам кажется, важны для школьников, соответствуют «философствованию», присущему юности. Подобного рода диалог позволит сократить дистанцию между классицизмом и современностью, ощутить вневременное значение литературы XVIII века. Если ребята поймут, что эта литература не об абстрактной и непонятной эпохе, а о том, что волнует их тоже, что писатели и поэты когда-то задавали себе все те же вопросы, которые важны и для современного человека, – то тогда у них получится «перешагнуть» через трудности языка и стиля произведений классицизма.

Более того, в основе «Ласточки» и «На смерть князя Мещерского» лежат события частной жизни поэта, что позволяет не только сделать их понятными ребятам, но и углубить их представления о личности поэта, о связи поэзии и биографии, литературы и жизни.

Мы приводим материал, который может помочь учителю при подготовке не только к урокам в гуманитарном классе, но и к дополнительным занятиям по литературе. Таким образом, мы оставляем за учителем-словесником выбор произведений для анализа на уроке.

Подобного рода урок рекомендуется выстраивать с опорой на уже существующие литературоведческие исследования жанра оды в классицизме. Среди ключевых работ по этой теме – глава «Новая ода Державина» в монографии Н. Ю. Алексеевой [Алексеева 2005: 308–354]. Духовным одам поэта посвящена обширная литература: [Грифцов 1914: 111–125; Машевский 2014: 212–217; Ходсевич 1988; Эткин 1995: 163–184; Эйдельман 1985: 32–34]. Возьмем за основу урока общее определение жанра духовной оды. Духовная ода – это оригинальное стихотворное произведение, посвященное рассуждению на философскую тему.

Материалы для подготовки к урокам по творчеству Державина в школе представлены в учебно-методическом пособии Л. С. Соболевой [Соболева 2005], статье М. Смусиной в журнале «Литература» [Смусина 2017: 8–9].

Наиболее подходящей методической формой занятия на тему «Духовные оды Г. Р. Державина» видится «медленное чтение», нацеливающее ребят на вдумчивое погружение в державинский текст. Работа над каждой духовной одой начинается с ее прочтения вслух (учителем или учеником). Затем задается первый вопрос, который, как правило, вызывает у ребят трудности, но играет ключевую роль в осмыслении текста: он указывает на то, что далеко не всё в оде можно понять с первого раза и ориентирует учащихся на перечитывание и поиск ответа. В этом поиске наравне с ребятами участвует и учитель.

Начинаем урок с чтения эпитафии, которую Державин сам сочинил за несколько лет до смерти:

Здесь лежит Державин,
который поддерживал правосудие,
но, подавленный неправдою,
пал, защищая законы. [Западов 1958: 228]

Мужественное сопротивление человека «неправде» государственного строя оказалось безрезультатным. Но что осталось от человека?.. Обратим внимание ребят на то, что в прочитанных строках нет ни слова о литературных заслугах Державина как поэта. Надпись на его могиле в Хутынском монастыре также ограничивается только подробностями его государственной службы: «Гаврила Романович Державин, действительный тайный советник и многих орденов кавалер». Запишем эти две надписи в тетрадах и зададим вопрос: почему в обеих эпитафиях ничего не сообщается о Державине-поэте? Связано ли это с его оценкой собственной поэзии? При ответе на данный вопрос следует учитывать особое понимание смысла государственной службы людьми XVIII века. «Тогда все поэты служили – звание писателя не существовало, – пишет В. Ф. Ходсевич в очерке о Державине. – Общественное значение литературы уже признавалось, но на занятие литературой смотрели, как на частное дело, а не общественное. Что касается Державина, то в его понятиях поэзия и служба были связаны особым образом. <...> Поэзия и служба сделались для него как бы двумя поприщами единого гражданского подвига» [Ходсевич 1988: 123–124]. Более того, жанр эпитафии предполагает соотнесенность размышлений поэта относительно собственной смерти с прожитой жизнью, о желании сохранить в веках самое важное о себе. Отсюда следующий вопрос: какой смысл Державин вкладывает в понятие памяти? Каким личностным смыслом он его наполняет? Для ответа на поставленный вопрос обратимся к стихотворению «Ласточка» (1792–1794).

После прочтения вслух даем ребятам следующее задание. Начертите в тетради две оси: вертикальную (высота) и горизонтальную (время). Перечитайте стихотворение и нарисуйте траекторию полёта ласточки от первой до последней строки. Такое задание ориентирует ребят на медленное чтение стихотворения, в ходе которого они отмечают, что получившаяся траектория «скачкообразна»: ласточка у Державина «то по кровлям щебечет», «по воздуху вьется, в нем смелые круги даешь», «иль стелется долу», «иль в небе, простряся, плывет», то «прячется в бездны подземны», «во мраке лежит бездыханна», после чего «встает... от смертного

сна... Сизы расправя косицы» [Державин 1985: 167–168]¹. Скрупулезно воссоздавая каждый взмах крыла ласточки на протяжении всех времен года (летний полет, предчувствие осени, спасение от зимы, возвращение на небо после наступления весны), поэт в 1792 году ставит точку в получившемся стихотворении. В 1794 году он возвращается к нему и дописывает еще шесть строк:

Душа моя! гостья ты мира!
 Не ты ли перната сия!
 Воспой же бессмертие, лира!
 Восстану, восстану и я;
 Восстану – и в бездне эфира
 Увижу ль тебя я, Пленира? (168)

Задаем следующий вопрос: как получившаяся схема-траектория соотносится с этими последними шестью стихами? Свою точку зрения необходимо доказать текстом стихотворения. Поставленный вопрос довольно труден и является ключевым для понимания как смысла названия стихотворения, так и полета ласточки. По ходу размышлений ребята неизбежно зададутся и другим вопросом: почему из всех птиц Державин выбирает именно ласточку? Выясняется, что образ ласточки у поэта очеловечен: «гостья», «видишь», «лежишь», «встаешь», «поёшь» и т. д. С одной стороны, птица близка земле, на которой живет человек, а с другой – принадлежит небесам («Но видишь там всю ты вселенну»). Более того, в стихотворении два обращения: к ласточке в начале («О домовитая ласточка!») и к человеку в конце («Увижу ль тебя, Пленира?»).

Здесь учитель должен помочь девятиклассникам, сказав о том, что Пленирой Державин называл свою первую жену Катерину Яковлевну. 1794 год – это год ее смерти. Не лишним было бы зачитать детям фрагмент из письма Державина близкому другу И. И. Дмитриеву того же года:

Ну, мой друг Иван Иванович, радость твоя о выздоровлении Катерины Яковлевны была напрасна. Я лишился ея 15-го числа сего месяца. Погружен в совершенную горечь и отчаяние. Не знаю, что с собою делать. Не стало любезной моей Пленеры! (И. И. Дмитриеву от 24 июля 1794 г.) [Сочинения Державина 1871: 14].

В ответ на это письмо Дмитриев напишет стихотворение «К Г. Р. Державину (по случаю кончины первой супруги его)» (1794):

Блажен ты, добрый муж! ты ангела снискал!
 И где ж сей ангел днесь? и где твое блаженство?
 Увы! всё в мире сем мечта, несовершенство!
 Твой ангел к своему началу воспарил,
 И рок печаль и плач в храм счастья поселил!

[Дмитриев 1967: 117]

Стихотворное послание наполнено состраданием горю близкого человека, пониманием невосполнимости его утраты. Катерина Яковлевна наделяется ангельским «чином», а ее смерть приносит печаль и несчастье всему роду людскому. Державин отвечает Дмитриеву:

М. г. мой Иван Иванович. Дружеское твое письмо и при нем две пиесы я получил. За обе благодарю. Первая хотя мне стоила слёз и не могу ее теперь без рыдания читать; но что делать! коль переменить нечем, то

плакать будем; плакать и кончать век мой в унынии. Так судьбе угодно! Я было хотел сам писать; но, или чувствуя чрезмерно мою горечь, не могу привести в порядок моих мыслей, или, как окаменелый, ничего и мыслить не в состоянии бываю (И. И. Дмитриеву от 17 октября 1794 г.) [Сочинения Державина 1871: 17–18].

Образ «воспарившего» к небесам ангела в стихотворном послании Дмитриева, которое Державин «не мог... без рыдания читать», как и прямое обращение к умершей Пленере, восходит к полету ласточки. Девятиклассники могут попытаться осмыслить «двойную символику» «Ласточки». С одной стороны, ее образ подобен «воспарившей» к небесам душе Катерины Яковлевны и потому полон надежды на ее будущую жизнь после смерти – ту, в которой она обретет покой:

И прячешься в бездны подземны,
 Хладея зимою как лед.
 Во мраке лежишь бездыханна;
 Но только лишь придет весна,
 И роза вздохнет лишь румяна,
 Встаешь ты от смертного сна... (168)

«Бездыханная» птица в «безднах подземных» – образ безысходности, обреченности на гибель всего живого и радостного – оживает на наших глазах, воспаряя к «новому солнцу» жизни, становясь неопровержимым доказательством бессмертия. Мысль о бессмертии человеческой души не только утешает Державина, но и ослабляет его горе².

С другой стороны, заключительные строки «Ласточки» содержат обещание поэта: «Восстану, восстану и я». Предошущая конец своей земной жизни, лирический герой, подобно воспарившей к небу ласточке, надеется на встречу с любимой женой. Смерть не заглушает чувства любви и благодарности Пленере, а напротив, обостряет его. И потому даже прощание под пером поэта несет идею воссоединения любящих сердец. Образ ласточки, таким образом, связан одновременно с образами умершей жены и лирического героя, что и предопределяет символическую глубину стихотворения в целом.

Державинская «Ласточка» позволит девятиклассникам приблизиться к пониманию сущности подлинного литературного произведения – такого, которое итальянский исследователь Р. Калассо назвал «абсолютной литературой»: «Литературой – потому что речь идет о знании, которое, как считается, невозможно получить иначе, как через литературные сочинения; абсолютной – потому что это знание подобно поиску абсолюта, а значит, оно охватывает не больше и не меньше чем всё» [Калассо 2018: 185].

«Ласточку» интересно сравнить с ранним стихотворением Державина «На смерть князя Мещерского»

² Б. А. Грифцов пишет: «Полет ласточки с непривычной быстротой породил полет фантазии над миром, по-своему воспринятым. Умершая жена? Нет – реющая ласточка, для которой мир стал кровом играющих красок. И этот блеск красок служит ручательством за то, что есть „новое солнце“, есть бессмертие, которое может быть изображено лишь так ослепительно. <...> Логически это доказательство бессмертия непонятно. Но сложная связь жизненного случая с отдельным и приобретающим абсолютность образом и постижение бессмертия через фантастическую светопись явились свободно, произвольно, – здесь заключены все постоянные и существенные элементы поэзии Державина» [Грифцов 1914: 113–114].

¹ Далее текст цитируется по этому изданию с указанием страниц в скобках.

(1779). Беседу необходимо начать с комментария учителя по поводу смысла названия. Внезапная смерть богатого и известного друга – Александра Ивановича Мещерского – потрясла поэта. Читателю изначально дается установка на то, что ода будет преисполнена печалью от осознания конечности отведенного человеку срока на земле. Работу над стихотворением организуем следующими вопросами.

1. Первоначально в название было вынесено обращение: «К Степану Васильевичу Перфильеву, на смерть князя Александра Ивановича Мещерского»¹. Запишем в тетрадах оба варианта названия. Как вы думаете, почему в последней редакции Державин снял обращение?

2. Традиционно ода посвящается великому государственному деятелю. Стихотворение посвящено ничем не прославившемуся частному лицу. Что связывает это стихотворение с жанром оды?

Учащиеся, вчитываясь в стихотворный текст, могут осознать, что снятое автором обращение к С. В. Перфильеву, другу А. И. Мещерского, генералу-майору, одному из воспитателей великого князя, будущего императора Павла I, связано с отношением не к человеку, а к самому характеру события – самому великому акту в жизни человека. Державин обращается не к одному другу, а ко всем нам – к каждому читателю оды и к каждому живущему на земле человеку:

Ничто от роковых когтей,
Никая тварь не убегает:
Монарх и узник – снедь червей;
Гробницы злость стихий снедает... (39)

Все живущие на земле уравниваются неизбежностью смерти². Факт смерти А. И. Мещерского, таким образом, становится отправной точкой в размышлениях поэта. Причем осознание смертности человека ведет его лирического героя к пониманию итога собственной жизни. Задаем следующий вопрос: какой увиделась ему прожитая жизнь?

Как сон, как сладкая мечта,
Исчезла и моя уж младость... (41)

Почему жизнь уподобилась сну? Более того, слово «сон» повторяется и в предшествующей строфе: «И весь, как сон, прошел твой век» (41). Повтор одного и того же слова в пределах нескольких строф сигнализирует о его важности для поэта. У ребят может появиться следующее предположение: собственная жизнь, как и существование Мещерского, подобны сну в силу своей кратковременности по сравнению с вечностью. С одной стороны, Мещерский – «сын роскоши, прохлада и нег» (40), а с другой – «бледна Смерть на всех глядит» (40). Но что значат богатства, обретенные им на земле? В тот великий момент, когда пребывание человека в земном мире подходит к концу, он неизбежно задумывается над тем, чем его жизнь была наполнена. И тогда обретенные им богатства теряют для него свою былую значимость. Комментируя антиномичность державинской оды, А. Г. Машевский пишет: «Обнаруживается, что пред лицом единственной константы в мирозда-

нии – смерти – любая сущность, вне зависимости от продолжительности ее существования, иллюзорна и сомнительна, она как бы не обладает истинным бытием» [Машевский 2014: 213].

Образ смерти, которая уносит все дела людей, усилен каскадом олицетворений: «зовет», «зубами Смерть скрежещет», «косою блещет», «глодает царства алчна Смерть»³. Что испытывает лирический герой, открывший для себя закон вселенной?

Скользим мы бездны на краю,
В которую стремглав свалимся... (39)

Чем рожден этот ужас? Его причины кроются в осознании лирическим героем бесследности всякого существования. Для понимания этого переживания проведем со школьниками простую аналогию. Если мы зададим девятиклассникам вопрос о том, что доказывает их присутствие здесь и сейчас в конкретном классе, то они приведут массу доводов. А если мы зададимся вопросом: что доказывало бы их присутствие в классе тогда, когда они его покинут, например, к вечеру? Здесь также нетрудно отыскать доказательства: отпечатки пальцев, свидетельства других людей и т. д. Теперь усложним вопрос: что будет доказывать их присутствие спустя 15 000 лет и более? А миллионы лет спустя? Ужас перед полным исчезновением и испытывает лирический герой Державина. То, что не оставило ни одного, даже мельчайшего следа, фактически не существовало никогда.

Отсюда следующие вопросы: что нового вносит Державин в осмысление человеческой смертности? Какую вневременную точку отсчета находит лирический герой? Что противостоит смерти в оде? «Вы все премежны здесь и ложны; // Я в дверях вечности стою» (42). Человек, осознавший вечный закон бытия, поднимается на новую ступень осмысления мироздания и вступает в «двери вечности». Мысль о смерти избавляет его от суетности жизни, приподнимает над ней и делает равновеликим вечности. Всё временное и земное, будь то богатство, слава или наслаждение, теряет свое былое значение. Осознание смертности ведет к отказу от сиюминутного и преходящего. Как ни странно, именно мысль о смерти делает человека не только человеком плоти, но и человеком духа. И потому Державин, нарушая установку классицизма на жесткое противопоставление жизни и смерти, заставляет своего героя отважно заглянуть в лицо неизбежному финалу человеческого существования, что ведет к пониманию им важнейших истин, к преображению души:

Жизнь есть небес мгновенный дар;
Устрой ее себе к покою,
И с чистою твоей душою
Благословляй судеб удар (42).

Спросим учащихся, как они понимают смысл последней строфы. Здесь возможны разные варианты ответов и прочтений. Осознание жизни как удивительного дара, приятие даже самых трудных испытаний

¹ См. об этом комментарий А. В. Западова в издании [Державин 1957: 369].

² Интересные наблюдения над мотивом смерти в рассматриваемом стихотворении Державина содержатся в учебно-методическом пособии Л. С. Соболевой [Соболева 2005: 55–56].

³ «В центре оды – Смерть; для ее изображения Державин использовал все, когда-либо изобретенные (и ему известные) средства: Библию (известно, что „дни мои, как злак, сечет“ восходит к псалму 102, стих 15), латинскую поэзию (прежде всего, Горация...), средневековые „пляски смерти“ (Totentanz), песенный фольклор, просветительскую метафизику» [Эткинд 1995: 179].

и сохранение душевной чистоты – вот составляющие личности, однажды осознавшей собственную смертность. Этот ряд можно продолжить вместе с девятиклассниками. Отсюда следует еще один вопрос ребятам. Если бы вы знали о смерти изначально, то что бы вы выбрали: родиться или не родиться? Державин-поэт решительно отвечает: родиться и жить несмотря ни на что. Так обращение к смерти сменяется глубоким размышлением о смысле существования человека.

Для того, чтобы проиллюстрировать смысл оды, запишем на доске дробь $\frac{1}{\infty}$ и спросим ребят, чему она равна? С точки зрения математики, она равна нулю. Закон смерти, о котором ведет речь Державин, подразумевает, что на месте единицы в этом уравнении и находится человек. Стоящий перед неотвратимостью всеобщего закона, он превращается в ноль. Открытие Державина-поэта заключается в том, что он находит те вневременные ориентиры, которые способны сделать человека соразмерным вечности, и потому кардинальным образом изменить значение уравнения: $\frac{\infty}{\infty} = 1$.

Теперь вернемся к изначальному вопросу: что сблизжает «Ласточку» с прочитанной нами одой? Диалог этих двух произведений обусловлен напряженными размышлениями Державина над феноменом человеческой смерти, толкающим на поиск смысла жизни. Пафос этого диалога определяется противостоянием лирического героя забвению: в первом случае посредством веры в бессмертие души, а во втором случае открытием вневременных ценностей человеческой жизни. По-видимому, ода «На смерть князя Мещерского» во многом подготовила появление «Ласточки», что подтверждается в том числе датами их написания.

Итогом размышлений поэта над темой смерти является его последнее стихотворение. 6 июля 1816 г. в Званке он записывает восемь строк на черной грифельной доске. Через день Державина не станет.

Река времен в своем стремленьи
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.
А если что и остается
Чрез звуки лиры и трубы,
То вечности жерлом пожрется
И общей не уйдет судьбы! (317)

Неизвестно, закончена ли ода «На тленность» (так Державин, по словам близких людей, хотел ее назвать). В кабинете Державина на стене висела известная историческая карта «Река времен, или Эмблематическое изображение всемирной истории», составленная Страссом. Истории государств на ней изображены реками от Сотворения мира до 1800 г. Было бы не лишним познакомить детей с этой картой. Согласно заметке в «Сыне отечества», Державин смотрел на эту карту, когда писал свое восьмистишие. Следует учитывать, что перед нами акrostих: первые буквы оды образуют фразу «Руина чтн»¹. Пусть ребята попытаются

понять, что эта фраза может значить. Обращение к руине, а значит и ко всему тому, что погибло в «реке времен»? Или древняя форма родительного падежа слова «честь», проявляющая отношение поэта к неумолимому ходу времен? Или знак того, что ода не была окончена и акrostих обрывается на полуслове? Н. Я. Эйдельману принадлежит блестящий разбор этого последнего стихотворения, с которым стоит познакомить ребят [Эйдельман 1985: 32-34]. Поставим перед ними задачу: сравнить отношение поэта к смерти в одах «На тленность» и в уже изученной «На смерть князя Мещерского». Что противопоставляет смерти в последних стихах Державина? Учащиеся без затруднений видят пессимизм относительно движения времени в этой оде: все сущее обречено на забвение в «реке времен». Нет спасения от «пропасти забвенья». Обнадёживает лишь тот факт, что «звуки лиры и трубы» не сразу будут побеждены «жерлом вечности». Речь, конечно же, о творчестве, которое способно противостоять забвению. Но и творчество спустя века также будет забыто и уничтожено временем. Эта державинская мысль кажется парадоксальной: с одной стороны, творчество «общей не уйдет судьбы», с другой – перед нами стихи, написанные более 200 лет назад и вопреки времени дошедшие до нас. Комментируя этот парадокс, Н. Я. Эйдельман пишет: «Державин жил в ту пору, когда делалось немало открытий, наводивших на мысль о „бренности и тленности“. „Слово о полку Игореве“ – чудесный аноним, всего на два десятилетия вынырнувший из „пропасти“, чтобы затем, в смуте и пламени 1812 года, исчезнуть; впрочем, исчезнуть, оставшись; но неведомый автор в первых же строках представляет своего абсолютно неведомого предшественника, учителя: „Боянь же, братие...“.

Еще и еще великие творения – и рядом пустоты. Библия – но уж давно понятно, что самые древние списки священной книги на много веков моложе первоначального текста, и сколько же пропало, отсеялось по дороге!.. Даже то, что остается потомкам, вдруг кажется случайный, эфемерным... <...>

Марк Блок, прекрасный французский историк, убитый фашистами, имел основание сомневаться в том, что мы в самом деле получаем от прошлого „главные вещи“; кто же поручится, что мы не судим, например,

он не заладил, и Державин махнул рукой. Через несколько лет об этом акrostихе появилась статья М. Холле: он тоже заметил „руину“ и вдобавок доказывал (не очень убедительно), что „чтн“ значит „честь“. Я подумал: вот какие бывают хозяйственные филологи: заметил то же, что и я, а сделал целую статью. Но это еще не чудо. У хороших латинистов есть развлечение: переводить стихи Пушкина (и др.) латинскими стихами. Я этого не умею, а одна моя коллега умела. Мы летели с ней на античную конференцию в Тбилиси, я был еще кандидатом, она – аспиранткой, ей хотелось показать себя с лучшей стороны; сидя в самолете, она вынула и показала мне листки с такими латинскими стихами. Среди них был перевод „Реки времен“, две Алкеевы строфы. Я посмотрел на них и не поверил себе. Потом осторожно спросил: „А не можете ли вы переделать последние две строчки так, чтобы вот эта начиналась не с F, а с T?“ Она быстро заменила flumine на turbine. „Знаете ли вы, что у Державина здесь акrostих?“ Нет, конечно, не знала, „Тогда посмотрите ваш перевод“. Начальные буквы в нем твердо складывались в слова AMOR STAT, любовь переживает руину. Случайным совпадением это быть не могло ни по какой теории вероятностей. Скрытым умыслом тоже быть не могло: тогда не пришлось бы исправлять stef на stat. „Чудо“ – слово не из моего словаря, но иначе назвать это я не могу. Перевод этот был потом напечатан в одном сборнике статей по теории культуры в 1978 г.» [Гаспаров 2001: 132–133].

¹ Еще большую загадочность эти стихи приобретают с учетом воспоминаний М. Л. Гаспарова: «Свидетелем настоящего чуда я был один раз в жизни. У Державина есть знаменитое восьмистишие: „Река времен в своем стремленьи...“ Глядя на эти стихи, я однажды заметил в них акrostих „РУИНА“, дальше шло бессмысленное „ЧТИ“. Я подумал: вероятно, Державин начал писать акrostих, но

о литературе целой эпохи по сочинениям второстепенным, а о материальной культуре – по остаткам более или менее случайным?

Державин, можно сказать, пессимист: „А если что и остается...“» [Эйдельман 1985].

Но если и допускать мысль о пессимизме, то в «Реке времен...» он, как нам видится, если не снят полностью, то уравновешен мужественностью взгляда поэта на человеческую жизнь и мироздание. Размышления Державина над соотношением временного и вечного с человеческой судьбой рождают две концепции времени: «Общей не уйдет судьбы» против знаменитого афоризма «Рукописи не горят». Выведенные из сравнения двух стихотворений эти два взгляда будут особенно

важны на следующем уроке, посвященном изучению «Памятника»: ребятам важно будет увидеть спор Державина последних стихов, преисполненных отчаяния, с Державиным «Памятника» («Я памятник себе воздвиг чудесный, вечный...»). Однажды произнесенное, подлинное Слово не сможет исчезнуть окончательно. Какая из двух концепций звучит убедительнее – пища для размышлений не только учителя, но и, в первую очередь, девятиклассников.

Итоги урока подводятся заполнением таблицы по изученным стихотворениям Державина. Она позволит учащимся не только обобщить обширный материал, но и увидеть логику движения мысли художника. Дома девятиклассники продолжают работу с таблицей.

КРИТЕРИЙ СОПОСТАВЛЕНИЯ	«Ласточка»	«НА СМЕРТЬ КНЯЗЯ МЕЩЕРСКОГО»	«НА ТЛЕННОСТЬ»
1. Смысл названия оды			
2. Как изображена смерть в оде?			
3. Что лирический герой противопоставляет смерти?			

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеева Н. Ю. Русская ода: Развитие одической формы в XVII–XVIII веках. – СПб., 2005.
- Гаспаров М. Л. Записи и выписки. – М.: Новое литературное обозрение, 2001. – 416 с.
- Грифцов Б. А. Державин // София. – 1914. – № 1. – С. 111–125.
- Державин Г. Р. Оды / сост., вступ. статья и примечания С. С. Аверинцева; художник С. М. Харламов. – Л.: Лениздат, 1985. – 334 с.
- Державин Г. Р. Стихотворения. – Л.: Советский писатель, 1957. – 465 с.
- Дмитриев И. И. Полное собрание стихотворений / сост., вступ. ст. и комментарии Г. П. Макогоненко. – Л.: Советский писатель, 1967. – 502 с.
- Западов А. В. Державин. – М.: Молодая гвардия, 1958. – 236 с.
- Калассо Роберто. Литература и боги / пер. с итал. А. В. Ямпольской. – СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2018.
- Машевский А. Г. Ода Державина «На смерть князя Мещерского» как опыт осмысления смерти // Нева. – 2014. – № 7. – С. 212–217.
- Норвичские симпозиумы по русской литературе и культуре. Т. IV. Гаврила Державин, 1743–1816. – Нортфилд, Вермонт, 1995. – 415 с.
- Смусина М. Преждевременный поэт // Литература. – 2017. – № 2. – С. 8–9.
- Соболева Л. С. Русская литература XVIII века. Материалы к урокам в средней школе: учебно-методическое пособие. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2005. – 102 с. – Серия «Школьная филология».
- Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. Т. 6. Переписка (1794–1816) и «Записки». – СПб.: Издание Императорской Академии наук, 1871. – 905 с.
- Ходасевич В. Ф. Державин. – М.: Книга, 1988. – 384 с.
- Эйдельман Н. Я. Последние стихи // Знание-сила. – 1985. – № 8. – С. 32–34.

Данные об авторе

Когут Константин Сергеевич – кандидат филологических наук, учитель филологии в СУНЦ УрФУ (Екатеринбург).
Адрес: 620137, Россия, Екатеринбург, ул. Данилы Зверева, 30.
E-mail: kosfunpix@yandex.ru.

REFERENCES

- Alekseeva N. Yu. Russian ode: The development of the odic form in the XVII–XVIII centuries. – SPb., 2005.
- Gasparov M. L. Records and extracts. – M.: New Literary Review, 2001. – 416 p.
- Griftsov B. A. Derzhavin // Sofia. – 1914. – № 1. – P. 111–125.
- Derzhavin G. R. Odes / composition, introductory article and notes by S. S. Averintsev; artist S. M. Kharlamov. – L.: Lenizdat, 1985. – 334 p.
- Derzhavin G. R. Poems. – L.: Soviet writer, 1957. – 465 p.
- Dmitriev I. I. Complete collection of poems / composition, introductory article and notes by G. P. Makogonenko. – L.: Soviet writer, 1967. – 502 p.
- Zapadov A. V. Derzhavin. – M.: Young guard, 1958. – 236 p.
- Calasso Roberto. Literature and Gods / translation from Italian by A. V. Yampolskaya. – SPb.: Ivan Limbach Publishing House, 2018.
- Mashevsky A. G. Derzhavin's Ode "On the Death of Prince Meshchersky" as an experience of understanding death // Neva. – 2014. – № 7. – P. 212–217.
- Norwic symposiums on Russian literature and culture. Vol. IV. Gavrila Derzhavin, 1743–1816. – Northfield, Vermont, 1995. – 415 p.
- Smusina M. Premature poet // Literature. – 2017. – № 2. – P. 8–9.
- Soboleva L. S. Russian literature of the XVIII century. Materials for lessons in high school: study guide. – Ekaterinburg: Eral State Pedagogical University, 2005. – 102 p. – Series "School philology".
- Derzhavin's writings with explanatory notes by Ya. Grot. Vol. 6. Correspondence (1794–1816) and "Notes". – SPb.: Edition of the Imperial Academy of Sciences, 1871. – 905 p.
- Khodasevich V. F. Derzhavin. – M.: Book, 1988. – 384 p.
- Adelman N. Ya. Last poems // Knowledge is power. – 1985. – № 8. – P. 32–34.

Author's information

Kogut Konstantin Sergeevich – Candidate of Philology, Teacher of Philology, SESC UrFU (Ekaterinburg).